

Марк Рафалов: На войне как на войне...

На одной из встреч в Союзе журналистов Москвы меня попросили написать об одном из эпизодов Великой Отечественной войны, в которой мне довелось участвовать.

После недолгих раздумий я решил остановиться на событиях, связанных с одним из городов ныне Псковской области, (в годы войны это была Великолуцкая область) - Пустошкой. Этот город расположен на перекрестии двух магистралей: одна простирается от Москвы до Риги, а вторая – от Ленинграда до Киева. По этим направлениям проходили и железнодорожные и шоссейные дороги. Во второй половине 1943 года наш II-й Прибалтийский фронт вел активные наступательные бои в районе городов Невеля, Великих Лук, Новосокольников и Пустошки.

Фото в спецвыпуске газеты «Вести футбольных арбитров России» к 90-летию Марка Рафалова

В то время я пребывал в 15-й Гвардейский отдельной морской бригаде. Нам выпала доля освобождать Пустошку, которая располагалась на очень заболоченном пространстве. Немецкие части и военная техника – танки, самоходы, грузовой транспорт

с патронами, снарядами, продовольствием могли двигаться лишь по железной дороге или шоссе. И слева и справа лежали непроходимые болота. Это вынуждало фашистов с особым тщанием и усердием оборонять Пустошку. Продвигаться к Пустошке нам приходилось очень медленно и при этом нести большие потери.

Вот характерный пример: 6 и 7 ноября 1943 года наша часть освободила два крупных села – Большое и Малое Таланкино. Там, кстати, располагались важные немецкие склады с оружием, продовольствием, горюче-смазочными материалами. До Пустошки оставалось, казалось бы, совсем ничего: километров 20-25. Шли очень серьезные бои. Фашисты сопротивлялись отчаянно. Не случайно подойти к окраинам Пустошки мы смогли только через четыре месяца. Лишь 27

февраля 1944 года после жестоких ночных сражений нам удалось днем войти в лежавший в руинах город, в котором «выжил» только один полуразрушенный дом. От всех остальных строений остались лишь осиротевшие печные трубы.

К концу февраля взвод, командиром которого был я, как позже выяснилось, вошел в город едва ли не первым уже без сопротивления: немцы в результате ночного боя поняли, что потерпели поражение и, опасаясь окружения, срочно покинули свои позиции.

В моем взводе оставалось тогда всего 12-13 человек. В ночном бою мы потеряли только одного получившего ранение бойца. Всего в описанных боях погибло около 20 тысяч наших ребят.

За успешные боевые действия меня наградили орденом Отечественной войны 2 степени, а моих сержантов Василия Белова и Ивана Уткина, (которых, увы, уже давно нет в живых) отметили медалями «За отвагу».

Спустя много лет меня удостоили звания «Почетный гражданин Пустошкинского района».

Через полтора месяца после освобождения Пустошки в районе населенного пункта Пушкинские горы я получил второе тяжелое ранение. На самолете меня доставили в город Осташков на озеро Селигер.

«Заливывая» раны, я вновь взялся писать стихи. Вот одно из них:

«Пустошка»

Мы со школьных скамеек шагнули в окоп –
Так страна нам тогда наказала,
А дороги войны как всемирный потоп,
Смерть повсюду за нами бежала.

Мы с боями к Пустошке от Невеля шли.
А она вся в руинах лежала.
Дым пожаров кругом, от печей кирпичи –
Совесть властно к отмщенью зывала.

Нам еще предстоял на Прибалтику путь,
По лесам и болотистым топям,
Еще год воевать. И нельзя отдохнуть –
Мы ведь, братцы, морская пехота!

Много огненных верст мы на Запад прошли,
Но Пустошка всегда нам родная.
На могилах ушедших друзей помолчим,
О кровавых боях вспоминая.

Здесь на Псковской земле наша юность лежит –
Захоронена вместе с друзьями,
Память словно растет и тревожно кричит,
Разрывая сердца нам корнями.

Марк Рафалов,

ветеран журналистики, участник Великой Отечественной войны.

28 января 2015 г.

Война лейтенанта Рафалова

Еженедельник «Советский спорт Футбол» побеседовал с известным советским арбитром о Великой Отечественной войне (опубликовано 9 мая 2014 г.)

С известным советским арбитром Марком Рафаловым мы знакомы тысячу лет, но про войну толком не говорили, все больше про футбол. Ветеран не считает достойной описания свою роль в Великой Отечественной, стесняется надевать ордена и медали, а самая дорогая награда для него – «За оборону Москвы». Наконец, на 90-м году его жизни в канун 9 Мая мне удалось разговорить фронтовика.

– Многие ваши ровесники восприняли войну достаточно легкомысленно.

– И я тоже. Такая пропаганда была. Но мама сказала: «Не думай, что это через неделю кончится». Настоящая же война для меня началась... на крыше. 22 июля была первая бомбежка Москвы, а дня через два собрали нас, мальчишек, человек пятьдесят и объявили, что в столице создаются комсомольско-молодежные отряды по борьбе с последствиями налета вражеской авиации. Выдали ночные пропуска, за каждым закрепили дома, куда надо бежать после сигнала воздушной тревоги. Я бежал в типографию «Красный пролетарий». На крышах никто не стоял, все прятались на чердаке, прижимаясь к трубам. Там я начал курить ... Зажигательные бомбы часто пробивали крышу и попадали на чердак. Там стояли ящики с песком, бочки с водой. У нас были толстые рукавицы, как у пожарных, и специальные клещи. Ими мы зарывали зажигалки в песок или кидали в воду. В крайнем случае разрешалось сбросить их с крыши. В одну из первых ночей на крышу типографии упала целая кассета зажигалок. Три погасил –

две сбросил во двор, одну утопил. Когда был уже на фронте, мама написала, что меня за это наградили медалью «За оборону Москвы».

– Помните день, когда москвичи в панике бросились из города?

– Прекрасно помню – 16 октября. По радио постоянно объявляли: «Граждане, не уходите от радио– приемника, будет передано специальное сообщение». Но время шло – никакого сообщения, только говорили, как вести себя во время бомбежки. Вдруг вижу – из окон нашего военкомата, Свердловского района, летят горящие бумажки. Это уничтожали документы. Прямо на улицу выбрасывали! Ехали набитые вещами грузовики, шел народ с вещевыми мешками. Потом говорили, что на окраинах Москвы гэбисты кого-то арестовывали, кого-то разворачивали.

– До призыва вам оставался год.

– Ввели карточки. Чтобы их получать, надо где-то работать. Маму никто не берет – жена врага народа. Наш сосед по коммуналке на Петровке (четырёхкомнатную квартиру отобрали, когда арестовали отца), заслуженный артист республики Павел Иванович Ильин, работал в Театре эстрады на Маяковской. Устроил меня на должность инженера электроцеха. Я был любителем этого дела: дома в туалете сделал, чтобы зажигался свет, когда открывали дверь. По моей рабочей карточке давали 700 граммов хлеба. В театре был еще и осветителем. На сцене был люк типа суфлерского, я сидел в камерке под сценой и орудовал ручками реостатов. В труппе была Лолита Марксити – танцевала с кастаньетами. В 1937-м приехала из Испании. Так ко мне в камерку приходили молодые актеры – смотрели Лолите под юбку, когда она пролетала над нашей дыркой. Однажды и я глянул – а она без трусов.

– Удивительно, что во время войны в Москве был футбол!

– В 1942-м началось первенство Москвы. Сальников играл против нас. Вратарь кричал: «Салу держите!». Я играл правого края за стадион «Юных пионеров». Но в нашем клубе не было мужских

команд, чтобы участвовать в первенстве. Через дорогу – авиа-ремонтный завод, чинили сбитые самолеты. Там были мужики-футболисты. Мы объединились и стали называться «Крылья Советов». Тем, кто играл, давали на двоих бутылочку сидра и каждому – по эклеру. Такое богатство! Если не попадали в состав, мы плакали. Не знаю, от чего больше – что не играем или что эклер не достался.

– Когда вас призвали?

– В октябре 1942-го. Погрузили в поезда, привезли в Марийскую АССР, поселок Суслонгер в тайге. Там был большой лагерь – тысяч на тридцать. Тюремный режим, в пять часов – подъем. На завтрак ставили на стол шайку с баландой. Тарелок не было, ложки сами из дерева вырезали. Кто-то сделал себе огромный половник, так ему сразу по лбу! Были среди нас бывшие уголовники, справедливость восстанавливали мордобоем. Старшина в нашей роте – татарин, все у него блеснит, статный. Но садист – до войны работал в казанской тюрьме. Он раздавал наряды вне очереди, это в жуткий мороз всю ночь копать окаменевшую землю. Однажды дал мне три наряда, за то что опоздал в строй. Каждое утро в пять часов выводил нас на зарядку: «За мной!», и мы бежали, старались его догнать. Бегал он здорово, но я не отставал. И вот вызывает: «Где-то занимался?» – «В футбол играл». И он мне все наряды скостил. Позже, когда мы были на фронте, приехало пополнение из Суслонгера, рассказали, что несколько курсантов покончили жизнь самоубийством, из Москвы приехала комиссия во главе с Ворошиловым.

– Говорите, много уголовников было?

– Да. Помню такого Колю Цуканова, его убило в первых же боях. Когда ехали в вагоне-телятнике на фронт, жались к печке – бочка с дыркой. Жгли палочки, которые собирали на остановках. Коля палочки не собирал. Выходил, пританцовывая, припевал блатные песенки и ходил между бабами-торговками. А когда трогались, доставал добычу: у одной кошелек стырил, у другой –

пирожок. Не просто карманник – артист!

– Как вы стали морским пехотинцем?

– Сгрузили нас в Торопце в Калининской области. Туда, на Северо-Западный фронт, после Сталинграда (он был уже в котле) перевели остатки двух морских стрелковых бригад на пополнение. Я попал в 15-ю. Выдали гвардейские значки, мы стали моряками.

– Говорите, остатки... А сколько человек из вашей бригады пережили войну?

– Трудно сказать. К примеру, взяли мы Таланкино 7 ноября 1943 года, а вошли в Пустошку (до нее оставалось 25 км) 27 февраля 1944-го. Через три с половиной месяца! И потеряли 22 тысячи (!) ребят. Это своего рода Сталинград, хотя бои – местного значения. По статистике, морской пехотинец в среднем воевал три месяца, а потом его или ранило, или убивало. А я прожил два года. Два ранения получил, но не убило же! В нашей бригаде за войну прошло порядка 75–80 тысяч человек. Сейчас из москвичей в живых остались трое: я, Боборыкин (фельдшер, на передовую не ходил) и Воробьев – полковник, политрук. Наше соединение относилось к 30-й ударной армии. Она, как правило, не начинала атаки, а развивала наступление. Нас постоянно перекидывали ночью, чтобы немцы не видели, то туда, то сюда. Иногда за ночь проходили по 50–60 км. Лошади падали замертво, а мы шли. Говорили, мы не столько воюем, сколько ходим. Больших стоянок, чтобы как-то обустроиться, не было. Мокрые, замерзшие! И костер не разжечь – немцы увидят.

– Чем еще занимались, кроме таких маневров?

– За «языками» ходили – разведчиков не хватало, они же постоянно погибали. Самое тяжелое – отправлять людей в такую «командировку», ведь знаешь, что посылаешь на верную гибель. И ребята это знали, но никто не спрашивал: «А почему меня?». Помню двоих казахов, группа захвата, крепкие ребята – Будоржапов и Бударханов. Один бил немца по голове, а другой вытаскивал его за шиворот. У них очень удачно получалось. А на

других приходилось похоронки писать. Всегда чувствовал перед ними страшную вину. Еще ночью на нейтральной полосе ставили мины. И не просто мины – закапывали под ними бутылки с зажигательной смесью. Ночью, бывало, кто-то из немцев подрывался и превращался в живой факел. Это производило устрашающее впечатление.

– Летом 1943-го стояли километрах в двенадцати от Ловати. По реке приходили грузы. Лошади не могли пройти до траншей – болото. Мы прокладывали гати и сами тащили патроны, снаряды, питание. И еще на ремнях – термосы с кашей. Помню, 1 мая 1943 года нам дали по 100 граммов водки и по сухарю невероятной жесткости.

– Как на фронте было с водкой?

– Выдавали редко, только перед атакой. Но надо было видеть, какие все мы были пьяные: 100 граммов и закуска – один сухарь! Вот махорка всегда была! А когда стал командиром взвода, как офицеру мне иногда давали «Казбек», а еще печенье и маленький кусочек масла.

– У немцев было лучше?

– Когда отступали, они всегда занимали выгодные позиции – на высоте, а нам оставляли болото. На Ловати – крутой берег, обращенный в нашу сторону. Рыли норы – как ласточки. Зимой 43–44-го мы ни разу не были под крышей! Спали как? Четыре рогатины, две поперечины, на них – жерди. Сверху – шинелька. Она обязательно свесится, впитает влагу. Потом весь день ходишь мокрый, ждешь момента, чтобы как-то просушить. Немцы даже траншеи облицовывали бревнами. У них были светильнички, спички, галеты. А у нас у командира роты, а часто и у командира батальона не было даже топографических карт. У немцев – подробнейшие. Так нас посылали убить какого-нибудь немца, чтобы достать карту. И еще просили: принесите ради бога накомарники. Болота ведь, комары жрали. Немцы это знали, а мы, получается, – нет!

– Ловать – река, значит, рыбу ловили?

– После артиллерийского налета немцев снаряды попадали в реку, и рыба всплывала. Во время артобстрела нам запрещали плавать за рыбой – опасно. Но рыба вся уплывала. У начальника химслужбы Белика был ординарец Костя Кожевников. Он плевал на эти запреты, плыл с каской и складывал в нее рыбу.

– Чем воевали?

– Сначала были винтовки, а в конце 1943-го дали автоматы ППШ. Однажды с убитого снял пистолет.

– Самый страшный бой?

– Разведка боем 3 сентября 1943-го на Ловати. Начальство возмущалось: «Что вы сидите и ничего не можете выяснить? Даем сутки, чтобы поймать „языка“!». Немцы, кажется, тоже решили провести разведку боем. В том ночном побоище участвовало где-то по сто человек с обеих сторон. Иногда дети в школах спрашивают, сколько немцев я убил. Да не знаю я! Вижу, немец – стреляю. Упал. А почему? Может быть, от испуга... Бой – страшная штука: летишь вперед, ничего не соображая.

– Кричали «за Родину, за Сталина»?

– Такого не помню. Матерились!

– Сильный страх?

– Все боялись, но каждый старался это спрятать. В нашем взводе был такой – Ильичев из Свердловской области. Золотой парень, но у него была слабость: во время арт-обстрела или бомбежки начинал зарываться, голову засовывал под дерево, листиками засыпал. После отбоя, смотришь, у него совершенно безумные глаза. Мы привыкли, никто над ним не издевался.

– Перебежчики были?

– Однажды в лесу задержали мужика – подавал немцам сигналы.

Допросили, поставили виселицу, собрали всех и повесили на наших глазах. У нас немцы украли солдата – видно, как его тащили, следы на снегу. Но были подозрения, что сам перебежал.

– Что снилось во время войны?

– Не помню ни одного сна. Спали мертвым сном: пройди 60 км за ночь, да не просто, а с пулеметом. Однажды тащили по топи пушку-сорокапятку. Не оказалось ни машины, ни лошади. Жуть!

– Ранения у вас были?

– 17 мая 1943 года рванула мина, и прилетел осколок – «уставший», на излете. Прожег сапог, портянку и попал в кость голени. Недели три полежал в санроте. Но боль ощущал еще несколько лет. Стал хуже бегать, потерял главный свой козырь нападающего. Второе ранение – 12 апреля 1944-го около Пушкинских гор. Наша часть заняла плацдарм за рекой Великая. Приехали самоходки, чтобы сделать артразведку. Они стреляли, немцы отвечали, а мы, человек пять, ночью накануне неподалеку от немцев спрятались и отмечали на карте – там пулемет, там пушка. Все сделали, идем назад под защитой двух холмов. Когда проходили между ними, метров десять были на виду. Мне надо было скомандовать «ложись» и проползти эти десять метров. Но на меня посмотрели бы как на сумасшедшего. Всю ночь лежали, замерзли. Немцы увидели нас и пустили мину. Взорвалась метрах в четырех от нас, а попало только в меня – семь осколков. Дай-ка руку. Вот осколок, чувствуешь, – в нижней челюсти? В горло влетел самый большой – 12 на 4 мм. Повезло – только мясо прошел, и до сих пор там сидит. Можно и удалить, но они не мешают. Правда, когда бреюсь, иногда режусь из-за него.

– Вынесли вас?

– Снега было по пояс. Кровь хлещет. Донесли до части, там пролежал два дня, потом на лошади довели до госпиталя – палатка, нары человек на сто. Наступила ночь. Заснул. Вдруг чувствую – задыхаюсь. И кричать не могу! Выпал в проход. Хорошо, Вера, медсестра, услышала, как я упал. Разбудила

ребят, меня на носилки – и в операционную. Прибежал врач, майор, он был без белого халата, в кителе. Открыл глаза после операции – передо мной физиономия того майора-хирурга вся в крови. Мундир с орденами и медалями я ему забрызгал. Внутри все опухло, сжало горло, еще немножко – и я бы задохнулся. Вставили в горло трубку для дыхания.

– Потом опять воевали?

– В госпитале лежал до конца июня, потом попытался догнать свою дивизию. Но фронт понесся вперед с такой скоростью! Догонял вместе с резервным полком, меня туда зачислили. Постоянно поднимали по тревоге и бросали в бой. Никого там не знал, чувствовал себя неуютно. После ночного боя вызывают в штаб. Там майор предлагает ехать в Челябинск, в танковое училище. Согласился. В училище были в основном фронтовики. Начальник, полковник Казаков, – без руки. Рядом – авиационное, там новобранцы. Летчики и танкисты всегда враждовали. Недалеко был парк, танцы. Когда увольнительная, все туда – либо за девками, либо летчиков лупить. Помню, мне увольнительную не дали, остался в училище. Вечером бегут из парка наши. Заместитель Казакова полковник Кернес: «А для чего вам пряжки? Немедленно вернуться и отлупить летчиков!». Все помчались туда. Вернулись веселые, видно, получилось.

– В училище играли в футбол?

– Да. Командочка там была средненькая, но несколько человек играли прилично. Заправляли три парня, которые уже повоевали. Потом начал играть за свою дивизию, за армию. После войны пригласили в Читу в окружной дом офицеров. Потом в классе «Б» та команда называлась «Танкист».